

А. Б. Кердан

СУЩНОСТЬ СОЦИАЛЬНОЙ ПРЕСТИЖНОСТИ ГОСУДАРСТВЕННОЙ СЛУЖБЫ В РОССИИ (КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ)

В условиях реформируемой России вместе с решением экономических, политических, социальных, духовных задач актуализируется проблема управления (менеджмента), вследствие чего возрастает роль государственного регулирования общественного строительства и корпоративной культуры. Особую значимость здесь приобретает система государственной службы. Она, как показывает социокультурный опыт, не может успешно функционировать вне факторов профессионализма, нравственной, правовой и политической культур, находящихся во взаимной причинно-следственной связи. В своей регулятивной деятельности государственный служащий вступает в сложные взаимоотношения со всеми социальными структурами и институтами. Одной из важнейших детерминант этих отношений является социальная престижность государственного служащего.

Проблема социальной престижности государственной службы обнаруживает теоретическую и практическую весомость в первую очередь потому, что престижные оценки лежат в основе всех человеческих отношений на разных уровнях и в различных сферах. Культурологический аспект заключается в том, что социальная престижность по своей сущности и интегральной структуре является артефактом — феноменом культуры, соединяющим в себе триаду культурологических смыслов: знания, ценности, регулятивы, относящиеся к различным сферам жизни общества. Каждая из парадигм социальной престижности: когнитивная, аксиологическая и нормативная, выступая осевыми формами культурного пространства, определяет смысловое содержание и функционирование исследуемого феномена как специфического явления социальной, правовой и духовной культуры российского общества.

Стратификационная сущность престижности проявляется и на мезо-, и на макро-, и на микроуровне.

На мезоуровне все ярче проявляющиеся и ускоряющиеся процессы глобализации выдвигают на первый план проблему престижной самоидентификации России в новой геополитической обстановке. Престижность, создавая иерархию геополитических, экономических, транскультурных позиций различных государств, ставит под сомнение концепцию «равновесия

КЕРДАН Александр Борисович — кандидат философских наук, координатор Ассоциации писателей Урала.

© Кердан А. Б., 2007

систем», выдвигает идею «подтягивания мировой периферии» к державам, чей способ жизнедеятельности воспринимается как престижный.

На макроуровне расширение возможности участия различных социальных групп (корпораций, страт) в управлении государством, в общественно-созидательной практике объективно ставит перед ними вопрос о престижности их положения в российском социуме и их роли в становлении новой российской государственности.

На микроуровне возрастает роль личностного фактора, индивидуальной воли в формировании престижности самого человека и социальной группы (корпорации, страта), к которой он принадлежит. На индивидуальном уровне престижность ранжирует людей, определяет их значимость и место в социуме. Мобилизация престижной личности на решение актуальных проблем в условиях социокультурной трансформации выступает одной из важнейших задач Российского государства при выходе из системного кризиса. При этом исследование механизма функционирования оценок (меток) престижа является необходимым условием формирования социальной престижности личности как феномена культуры, соответствующего новым российским реалиям и международным стандартам.

Однако несмотря на очевидную значимость исследуемого феномена, в отечественной и зарубежной научной мысли при наличии многочисленных трудов, посвященных данной проблематике, до сих пор не выработано однозначного подхода к понятию сущности социальной престижности, не исследована ее система применительно к условиям России.

Для культурологической характеристики сущностного понятия социальной престижности государственной службы в России обратимся к генезису этого феномена. Современными исследователями было выделено несколько этапов протекания генезиса социокультурных систем и определено, что в основе процесса социогенеза лежит синергетическая закономерность, ведущая к повышению специфичности всякого явления по мере саморазвития его структурной и технологической сложности¹.

Разделение труда и усложнение социальной стратификации человеческих сообществ стимулировали динамику разделения культуры на быденную и профессиональную. При этом к быденной культуре относились такие нормы и стандарты жизнедеятельности, которые являются общими для людей, проживающих на одной территории, вне зависимости от профиля их деятельности. Эти стандарты и нормы передавались общими методами обучения и воспитания, обеспечивали общую социализацию индивида и усвоение им этнических, политических, религиозных и иных стереотипов поведения.

С профессиональной культурой были связаны нормы и стандарты, определяемые родом деятельности и взаимодействия индивида, принадлежностью его к определенному социально-профессиональному слою. Эти нор-

мы и стандарты транслировались в основном методом специального профессионального обучения и культивировались особой профессиональной самоидентификацией. На уровне корпоративной социально-профессиональной идентификации и начал складываться особый тип ценностных ориентаций — образы социальной престижности, составляющие одну из важнейших доминант социально-сословной стратификации в культуре. Эти образы культивировались в процессе профессионального обучения, которое выделялось в самостоятельное направление социальной практики уже в раннеклассовую эпоху. Так, средневековое европейское рыцарство, древнерусские дружины, японские самураи и т. д. представляли собой уже чисто профессиональные корпорации воинов, не занимавшихся ничем иным, кроме военного дела. Профессиональную подготовку они начинали с самого раннего детства и по мере овладения воинским искусством последовательно проходили разные статусно-квалификационные ступени.

В свою очередь, объединение представителей одной специальности в профессиональные корпорации (цеха, гильдии, ордена) ведет к формированию специфических субкультур с присущими только им этическими нормами, правилами, иерархией статусов и ролевых функций, символикой престижности, профессиональными ритуалами и даже жаргоном.

Роль социальной престижности становится особенно ощутимой с появлением централизованных государств и стратификацией их населения по чинам, званиям, сословиям, имеющим свой статус, привилегии, знаки внешнего отличия, а также свою мораль и этикет.

Рассмотрим, как соотносятся определения сословия, чина, сана, звания и привилегии в толковом словаре В. И. Даля:

«Сословие — люди общего им занятия, одних прав; звание, разряд, каста. Чин — степень, на коей человек состоит в обществе, звание, сан, сословие, состояние; степень жалованного служебного значения, достоинство, класс, коих у нас четырнадцать. Чиновник — служащий государю и жалованный чином. Сан — высокий чин или звание, знатная должность, жалованное достоинство, почет. Звание человека — сословное состояние его, или должность, обязанность. Привилегия — исключительное право в ремеслах и промыслах, личное право, преимущество. Привилегированные сословия — вышние или вообще, которым даны права, преимущества перед простым народом»².

Приведенные определения показывают, что маркером социальной престижности в Новое время начинает выступать не только принадлежность к тому или иному сословию, но и обладание определенными привилегиями, имущественными и иными правами, наличие общественного уважения, почета, жалованного чина, должности, наград, знаков отличия и т. д.

Одной из форм социальной престижности в этот период становится репутация, которая, по Далю, означает славу человека, добрую или дурную,

общее мнение о нем. Слава, в свою очередь, трактуется, как известность по качеству, общее одобрение, признание заслуг, самые почести³. Таким образом, в понятии репутации сходятся воедино и честь, достоинство, реальные заслуги человека (сословия), и общественное признание этих заслуг, т. е. социальная престижность являет нам здесь две свои стороны: внешнюю (социальный статус) и внутреннюю (духовно-нравственные, эстетические, профессиональные качества личности).

В процессе дальнейшей стратификации общества специальные субкультуры и профессиональные корпорации, связанные родственными технологиями, близкими социальными целями и интересами, постепенно объединяются в крупные социальные констелляции: сословия, касты, социальные классы. Важно, что именно на этом этапе символы и ценности профессиональной деятельности, образы социальной престижности распространяются на обыденную культуру членов соответствующих социальных страт. Это явление можно охарактеризовать как формирование социально стратифицированных субкультур, каждая из которых может трактоваться как самодостаточный феномен, включающий в себя и элементы целостной культуры и существующий сравнительно автономно от других социальных субкультур этого сообщества. Сочетание механизмов культурной диффузии с инерцией самодостаточности и породило тенденцию интернационализации сословных субкультур, в рамках которых представители родственных сословий разных сообществ чувствуют между собой гораздо большую идентичность образов и символов социальной престижности, нежели по отношению к представителям других сословий собственного сообщества (так называемый классовый интернационализм)⁴.

Вместе с тем особенности историко-культурного развития разных стран, несомненно, накладывают специфический отпечаток на феномен социальной престижности в той или иной этнокультурной системе. Примером может служить подмеченное Мизесом фон Людвигом различие в социальной престижности государственной службы в континентальной Европе и в США. Так, в Европе социальная и политическая дискриминация какого-либо меньшинства принимала форму запрещения его представителям занимать любые должности в учреждениях, какими бы скромными и низкооплачиваемыми они ни были. В Германии, Австро-Венгрии и многих других странах все эти низшие должности, не требовавшие ни особенных способностей, ни специальной подготовки, такие как должности служителей, посыльных, судебных приставов, курьеров и т. д., были официально зарезервированы за бывшими военными, которые добровольно отдали действительной военной службе больше лет, чем обязывал закон. Эти должности считались весьма почетной наградой для отставных сержантов и унтер-офицеров. В глазах общества получить место служителя в каком-либо учреждении было большой привилегией. В то же время, как отмечает Мизес фон Людвиг,

если бы в Германии существовал класс с социальным положением американских негров, такие люди никогда бы не посмели даже претендовать на подобные должности⁵.

Несомненно, свою специфику имеет культурологический феномен социальной престижности государственной службы и в России. Она объясняется во многом фетишизацией государственной власти в общественном сознании русского народа, когда культ государства выступает как бы одной из национальных святынь (соответственно ему, существовал и продолжает существовать культ государственной службы, порождающий специфические образы социальной престижности).

Особенностью форм престижности государственной службы в России выступает также их большая социализация по сравнению с аналогичными формами на Западе, где исторически преобладающими являются индивидуальные проявления данного феномена. О роли общественного мнения в российском обществе не однажды писали А. С. Пушкин⁶ и А. С. Грибоедов⁷.

Как еще одну особенность социальной престижности государственной службы в России можно назвать приоритет в ней духовно-нравственных ценностей (тесная связь с такими качествами, как совесть, долг, патриотизм) над ценностями материальными (уровень жизни, степень богатства), что обусловлено чертами русского национального характера и общим ходом культурно-исторического развития нашей страны.

Знание специфических черт исследуемого феномена позволяет дать определение социальной престижности на основе четырех взаимосвязанных аспектов ее сущности: гносеологического, онтологического, аксиологического и стратификационного.

Гносеологическая основа сущности социальной престижности выражает отражение субъектом объективно существующих признаков, позволяющих обнаружить структурные элементы социальной престижности и способы их познания. Онтологический аспект включает в себя совокупность структурных элементов (форм) социальной престижности, а также механизм их проявления в социальной практике. Аксиологический аспект отражает социальную престижность как совокупность специфических ценностей общества (норм, целей, качеств), удовлетворяющих духовно-нравственным и материальным потребностям социума. Стратификационная сущность социальной престижности заключается в многообразии ее проявлений в соответствии с видами, формами социальной деятельности, а также с подразделением общества на группы, корпорации, слои, социальные классы и т. д.

Единство всех аспектов сущности социальной престижности позволяет определить ее как сложную интегральную социокультурную систему ролевых, оценочных, обобщенных показателей, которые воспроизводятся и отражаются в общественном и индивидуальном сознании в виде идеалов, мотивов, установок, убеждений; фиксируются в государственных документах,

законодательных актах, общественном мнении и других культурных формах; регулируют статус, роль, функции социальных субъектов в системе общественных связей, отношений, проявляющихся в специфической социальной деятельности.

Таким образом, социальная престижность, с одной стороны, выражает необходимость иерархизации общественной жизни через ориентированность индивидуального и группового поведения на определенные паттерны культуры, стереотипы, установки, ценности, мотивы, символы, что основывается на сформированной в процессе социогенеза потребности людей в мифологической сопряженности их идеалов с социальной практикой, с другой, представляет собой своеобразную, закрепленную в престижных образах, символах, нормах и ценностях программу социального поведения людей и их объединений.

В этой связи отметим, что высшей точкой стабильности социальной престижности выступает момент наиболее полного совпадения индивидуальных и общественных оценок ролевого поведения личности или группы, когда интериоризация общественно значимых ценностей превращается в индивидуальном или групповом сознании и поведении в подлинную морально-нравственную мотивацию.

В приведенных выше определениях социальной престижности хорошо просматривается диалектическое единство внешней и внутренней сторон данного феномена.

При этом внутренняя сторона социальной престижности личности связана с наличием определенных престижных качеств, таких как достоинство, честность, амбициозность, креативность, гордость за профессию, потребность личного самовыражения, наличие мотивов индивидуального поведения в рамках избранной профессии или социального страта. Внутренняя сторона социальной группы (корпорации) тесно связана с профессиональной (групповой) субкультурой, включающей корпоративную этику, честь, групповые цели и мотивацию, и т. д.

Внешнюю сторону социальной престижности можно определить как социальный статус, выражаемый в положении личности или группы в обществе, материальном благополучии, наличии чинов, наград и т. д., а также в наличии определенных критериев социальной престижности.

Таковыми критериями являются: уровень образования, материальное положение, престижность социальной позиции и обладание социальной властью; обладание «культурным капиталом», качественные характеристики труда (его характер, мера сложности и степень ответственности), обобщенные и усредненные характеристики общественной значимости той или иной профессии.

Важным критерием представляется также степень социальной и правовой защищенности личности (корпорации), степень морального и матери-

ального стимулирования профессиональной деятельности, наличие устойчивого положительного общественного мнения о социальной группе или индивидууме. При этом в стабильном обществе одним из критериев социальной престижности может быть названа степень зависимости престижа от уровня образования и духовных качеств личности, в нестабильном — от материального благополучия и приближенности к власти.

Внешняя и внутренняя стороны социальной престижности имеют, помимо указанных содержательных компонентов, еще и функциональные, которые проявляются в практической деятельности всех участников процесса формирования исследуемого феномена: личности, социальной группы, общества. Функциональные компоненты обеих сторон социального престижа самым тесным образом связаны с его социальными функциями.

Важнейшей представляется функция самоидентификации личности с той или иной престижной группой, корпорацией, стратом. Эта функция близка с функцией самоутверждения, предусматривающей развитие в личности таких качеств, как чувство собственного достоинства, профессиональной гордости, уверенности в своих силах.

Функция информационно-профессионального ориентирования (функция фасциации — привлечения в социальную группу) формирует у членов сообщества ту или иную профессиональную направленность, а достаточно высокая информированность о престижности той или иной профессии способствует правильному личностному выбору.

Функция стимулирования поощряет усилия личности (группы) по овладению той или иной специальностью, добросовестному выполнению своих служебных обязанностей или иной деятельности, присущей социальной группе (слою).

Компенсаторная функция социальной престижности заключается в степени морального вознаграждения личности (группы) за сложный характер деятельности, связанный с преодолением различных трудностей и лишений.

Функция индикации выступает своеобразным показателем соответствия общественной необходимости, значимости личности или страта их реальному социальному статусу и вознаграждениям, получаемым за труд.

Функция интеграции заключается в способности социальной престижности иерархизировать социальные слои и группы, выступать синтезирующей силой, объединяющей их в единый социум.

Эти и другие функции социальной престижности государственной службы находятся между собой в диалектическом единстве и по своему характеру динамичны, могут менять свое качественное содержание под влиянием различных социокультурных факторов.

Можно выделить наиболее важные из них.

В первую очередь это факторы, связанные с историческим этапом развития общества. Специфика исторического периода, несомненно, формиру-

ет определенную общность социального опыта целых поколений, во многом определяя их отношение к образам социальной престижности.

Самое непосредственное воздействие на социальную престижность государственной службы оказывают факторы, вытекающие из характера и особенностей социально-политического строя, отражающие весь спектр обстановки в социуме (формы политического правления, степень развития демократии, участия всех слоев общества в политической жизни, соблюдение свобод личности и т. д.).

В условиях социокультурных трансформаций социальная престижность государственной службы видоизменяется по причине деформации всей системы социальных институтов, их переориентации на новые социальные нормы, ценности, отношения. Тем самым факторы социальной структуры определяют не только социальное пространство, но и возможности профессионального выбора личности.

И наконец, еще одну группу составляют ситуационные факторы, связанные со способностями и спецификой личностных качеств самих индивидов, равно как и с особенностями их индивидуальных биографий.

Таким образом, мы рассмотрели онтологический, гносеологический, аксиологический и стратификационный аспекты сущности социальной престижности, представляющей сложную систему ролевых обобщенных показателей, отражаемых как в общественном сознании (мнении), так и в личностных оценках, мотивах, установках отдельных членов сообщества, идентифицирующих себя с той или иной престижной группой, корпорацией, социальным стратом.

Социальная престижность синтезирует в себе оценки социальной значимости и привлекательности определенных видов деятельности, включает в себя такие статусные характеристики, как материальное положение, уровень образовательной и профессиональной квалификации, социальная и правовая защищенность, личностные качества, образ жизни и т. д.

Интеграционная, стимулирующая, компенсаторная и другие функции социальной престижности реализуются в конкретных социокультурных условиях, оказывающих на нее безусловное воздействие.

¹ См.: Флиер А. Я. Культурогенез. М., 1995. С. 115.

² См.: Даль В. И. Толковый словарь русского языка. Современная версия. М., 2000. С. 277, 525, 576, 612, 712.

³ См.: Там же. С. 563, 596.

⁴ См.: Флиер А. Я. Культурогенез. С. 56.

⁵ См.: Людвиг М. фон. Бюрократия. Запланированный хаос. Антикапиталистическая ментальность [Электрон. ресурс]. Режим доступа: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Polit/Mizes05.php?show_comments.

⁶ См.: Пушкин А. С. Евгений Онегин. Воронеж, 1975.

⁷ См.: Грибоедов А. С. Горе от ума. Красноярск, 1979.